

60 лет

ВОЙНА И МИР

БЛАГОСЛОВИ, РОДНАЯ

Я снова стою у железной ограды, опираясь на две кое-где уже проржавевших перекладины. Сквозь ссазную пасть вижу Анну Георгиевну, мою незабвенную маму. В почерневших от времени цифрах: 1909 – 1962 – вся ее короткая, трудная жизнь.

В одной из блокадных логий, что через дерзоту от кладбища, покосится ее дом – Элеонора, умершая от голода. В 11 лет она пера так, что знакоми проница ей большое будущее. Сердился, когда мы звали ее Родну. Не позволяла ни мне, ни сестре Нине называть ее так по-домашнему. Ей поскорее хотелось в мир искусства, где былое поют, чем разговаривать. Сама же она разговаривала с нами то песнями, то ариями. Внешне была похожа на отца, который погиб в самом начале войны, и в ее «опереточном» голосе неизменно звучала какая-то затаянная скорбь. Война навсегда заглушила этот голос. От нас, оставив нам халявную карточку, ушла Элеонора Николаевна, быть может, и впрямь знаменитая певица. Своєю неяскаемой тягой к прекрасному она мирала нас с Ниной, моей родной сестрой, с которой мы иногда спорились.

Всю блокаду мать работала на кирпичном заводе, который выхаживал где-то на окраине города. Вставала спозаранок и домой возвращалась к ночи. Тут же ложилась спать, взяв какую-нибудь книгу. Руки, прихвывая к кирпичам, плохо держали ее – не хватало весомости. Книга почти тут же выскальзывалась из рук, шестеи странички. Бережно подбирала я их и порой всю ночь дочитывала. Иной раз по воскресным дням мы долго спорили с мамой о книгах.

Как-то, войдя в комнату, я увидел в раскрытом окне огромный портфель, который по тем временам стоил, пожалуй, две и даже три материюских зарплаты. «Заполни его книгами, чтобы хорошо учиться!», – сказала мать и тряпкой старательно оттерла портфель, чтобы он сверкала новизной и надеждой. Он обаявал меня, от природы худого, невесомого, к серьезной работе с книгой, к степенности и к старанию. В августе 1950 года, выдержав ошеломляющий конкурс (19 человек на место), я поступил на факульт Ленинградского университета. Мать гордилась этим. Правда, на лице ее я иногда замечал уныние: портфель не разбухал от книг, а домы оставался таким же, как и в, топшим. Между нами встало сомнение: любил ли всерьез то, что выбрал. Не господствуют ли над нами, как прежде, уныние? И вообще, не ошибся ли уровень? Забегая вперед, скажу: портфель вскоре оползает, и даже собственные книжки. На сентябрьский день их более 13. Припоминая по разному мое «встречу» с матерью спустя двадцать лет, я часто видел ее во сне. Однаж-

ды, выходя из магазина, где покупала свою новую книгу, чтобы поскорее показать ее матери, я увидел ее безучастно идущей неторопливой тенью. «Мама!» – крикнула я на радостях. Сумрачно взглянула она на меня и, как мне показалось, ускорила шаг. Мгновенье – и она как бы растаяла в тумане. Значит, что-то ей в книге не понравилось. С тех пор я стаде еще кропотливее работать над своими страничками. Скажу больше: пишу вроде бы для учителя, но мой главный читатель – мама! Старалась, чтобы не прошла она мимо...

Мамы всколыхнула память многими подробностями произошло. В конце сентября 41-го все мы еще играли в футбол на заднем дворе, забыв о том, что под Ленинградом идет бой. «Домой! Домой!» – неслось из окон. Мы взглянули на небо, которое гудело как огромный сборочный цех. Стайка «Юнкерсов»-88, тяжело провисая под грузом авиабомб, мигнула Кировский завод, Балтийский, «Трутоланик», направлялась к Бадакским складам... И вот загорелся мука, сахар, масло. Мы тут же забрался на крыши домов, чтобы увидеть этот огонь, не ведая, сколько наших людей спорит в нем. Приметы страшной беды не замедлили сказаться: закрывались булочные, магазины, столовые... Порохом и еще каким-то неизвестным запахом повеяло от хлеба...

«То было раннее весной, трава едва всходила!», писал поэт. Оглодевшие ленинградцы вслах и про себя мечтали о траве 42-го. Тонисельскими стебельками красоты и ледыды сама природа сопротивляла нам

оживал поауразрушенний Наврский проспект и мой прошиний, дальоближний сгардями семистояний дом номер 16. Улицы этих дней жила в зависимости от движения солнца. Теневая сторона почти всегда безлюдна; зато противоположная, согриваемая косыми лучами солнца, была буквально обделена прислонившимися к стенам домов женщинами, стариками, детьми. Едва солнце понемногу начинало освещать другую сторону, эта – становилась уже не такой многолюдной. Больше вело то, как жила на четной стороне: их согривало поадуное и вечернее солнышко. Иные, у которых хватало сил и смелости, пользовались объемами стороны улицы, чувствовали себя комфортно. Я не зря сказал «смелости». Бывали случаи, когда, по-черепашьи медленно переходя проспект, мои бедные собраты попадали под артобстрел, становились жертвами. По этой причине многие преаусмотрительно пользовались лишь правой стороны солнца и даже меньшей его частью. Благоразумным и му-

рым этого хватало вполне. Легко уйти остальным. Отиндье ультрафиолетовые лучи, столь живительные для истощенного организма, а элементарное желание согреться, наконец, приводят вперед свет выводу их на улицы. В солнечные дни нрав была особенно жестокой. Без слуха табачи-кажд знала мы какая сторона улицы наиболее опасна; конечно же, солнечная!

Помню в погожий день по Наврскому вели колонну пленных немецких летчиков, сбивших под Ленинградом. Мои дорогие выжили посмотреть. Я стою рядом с мамой и с легкой злобой обзираю каждого «ора». Прижимаюсь Гугу к другу, ленинградцы всей улицы

меня тут же подобрала и доставила в госпиталь. В памяти ко мне отнесились по-домашнему, считая своим, своим шутливым. Вскоре после операции (под общим наркозом) стали готовить к выписке. Медсестры спинами мне гимнастерку, брюки, а кто-то из мужиков соорудил маленькое солдатское сапожки. Мать плакала от умиления и гордости за мой по военному bravery вид. Вилеты держала на голове чуть белыготку пилотку с новенькой красной звездой.

Однажды мать сказала: «Тюдейка как посмотрит на твою «обидчику». На хлопиди, приймающей к проспекту Гугу, у подножия памятника С.М. Кирову, без одного крыла стоа недавно сбитый «Юнкерс». Он зловеце плта размерами, обшивкой, кабинами... Минция запрещаа проникать внутрь, ходить по физиомажу, стучать по обшивке. Не спеша и тогда покосидли мы с мамой нашего злого «обидчику». Из уст матери прозвучало: «Рожденный ползать летать не может». К вечеру на площади останутся один на один уверенный в неизбежной победе Киров и приземленный на одно крыло фашистский стертвятник».

Необычное праздничное утро. Летнее, солнечное. Скопилось огромная толпа народа, зорко что-то высматривающая. Каждый – даже ребенок – мог объяснить свой интерес. Сегодня в город въездет войска ленинградского фронта. Будет встречать! И вот уже показались первые стройные шеренги. Грннула оркестр. С большим трудом, отодвигая нас в стороны, милиция давала простор армии. В лучах солнца сверкали золотые звезды, серебро орденов и медалей. В глазах солдат стояла слеза... Иные уже пикода не удержали своих. Плакали и мы, потрясенные отцом, братьями... Где-то в глубине колонны величественно красовалась огромная плука странспорантом: она первая стреляла по Берлину в отместку за все, что фашисты сотворили с Ленинградом. Когда колонны закружили на проспект Газа, мы встали на цыпочки, чтобы лучше разглядеть своих героев. На лицах солдат читались и заботы о завтрашнем дне. Вскоре начались танцы. Гимнастерки переменялись с платьями и кофточками, счастливые улыбки озарили лица. Еще немало и армия уйдет в казармы, а улицы два утра будут праздновать Победу.

Сия стая молотой матери, я подумал о ней, как о солдате, готовом отдать свою жизнь за Родину. Спасибо, родная, за терпение твоё и мужество, за твою любовь к тем, кто ты спасла.

Помнится, в нашем дворе появился маленький по-военному одетый мальчик с переносной шкеей. Это был я. Во время взрыва авиабомбы меня серьезно ранило и контузило. Два сантиметра от виска на правой щеке спасли мне жизнь. Санитарная машина

Евгений ИВАНН
учитель

Учредитель: Ученый совет РГПУ им.А.И.Герцена.
Газета зарегистрирована Региональной инспекцией
по защите свободы печати и массовой информации
14.07.92. (Регистрационное свидетельство №П0064)

Адрес редакции: 191186, СПб,
наб.р. Мойки, д. 48, кор. 20а,
ком.301
E-mail: pedvesty@mail.ru
Интернет:
http://www.herzen.spb.ru

Номер отпечатан
в типографии ЗАО «Антан»
СПб, ул.Казанская, д.7.
Тираж 2000 экз.

Главный редактор
Наталья МЕЛЬНИК
Дизайн и верстка
Александры Половой,
Татьяны Сергеевой